

Минну насторожился. До его слуха долетел тихий шорох одежды — на край постели лег человек. Это был Цзянь Сюэхэ, устроившийся рядом прямо в дорожном халате.

Тот лежал спиной к нему, не делая ни единого движения. Едва уловимый, чистый аромат снега окутал юношу, отчего на душе у него сделалось неловко.

Впрочем, это ведь комната Сюэхэ. В том, что хозяин решил лечь спать, не было ничего предосудительного.

Минну тихонько отодвинулся к стене. Он сжался в комочек, стараясь занять как можно меньше места и держать дистанцию.

Сюэхэ со своего места видел, как мальчик жмётся к краю. Собеседник лежал с закрытыми глазами, но его напряжённая спина и подрагивающие ресницы выдавали волнение.

Оба молчали. Минну поначалу сна ни в одном глазу не имел, прокручивая в голове события последних дней, но присутствие Сюэхэ рядом парадоксальным образом успокаивало. Напряжение постепенно ушло, веки потяжелели, и он погрузился в глубокий сон.

За пределами постоянного двора.

Сунцзин стоял на крыше, вглядываясь в ночную даль. Он отчётливо видел, как сквозь защитный барьер просачивается скверна: клубы зловещего чёрного тумана тянулись к юго-восточной окраине городка.

В его пальцах догорал талисман, отбрасывая на бледное лицо слабый отсвет. Юноша тихо произнёс:

— Учитель, похоже, на этот раз мы столкнулись не с обычной нечистью. Здесь рыщут твари третьего ранга, и за ними явно кто-то стоит. Должны ли мы отступить?

Эта напасть была из тех, что случаются раз в столетие. Нынешним ученикам несказанно «повезло» угодить в самый эпицентр.

Талисман тускло вспыхнул, передавая безмолвный ответ. Получив указания, Сунцзин растаял в воздухе, обратившись в бесплотную белую дымку.

Минну проспал до самого рассвета. Открыв глаза, он первым делом увидел прекрасное лицо совсем близко — от чужого тела исходило приятное тепло, а сам он умудрился целиком забраться к Сюэхэ под бок.

Обычно юноша спал один и во сне почти не ворочался.

Но сейчас он обвил Сюэхэ руками и ногами, используя его как живую грелку, разве что лицом вплотную не прижался.

Сон с Минну как рукой сняло. Густой румянец мгновенно залил его щёки, и он поспешил отпрянуть. Однако Сюэхэ уже проснулся. Его рука всё ещё покоилась на спине юноши — похоже, старший брат сначала пытался отстранить беспокойного соню, но в итоге смирился и просто прижимал к себе, чтобы тот не вертелся.

Встретившись взглядом с этими глубокими, холодными глазами, Минну вспыхнул ещё сильнее. Он с головой нырнул под одеяло и поспешно отполз подальше.

Раздался негромкий стук в дверь, но снаружи никто не подал голоса. Догадавшись, что это Ли Сяохо, Минну торопливо пробормотал:

— Брат Хэ, я пойду посмотрю.

Стоило ему подняться, как он обнаружил, что завязки на его нательном халате полностью распустились. В комнате повисла неловкая тишина. Пытаясь сохранить остатки хладнокровия, юноша опустил голову, быстро завязал тесьму и накинул верхнее одеяние.

У самой двери Минну не удержался и оглянулся. Сюэхэ уже сидел на постели, задумчиво глядя ему вслед.

За дверью обнаружился Ли Сяохо в своей неизменной маске младенца-призрака.

В руках он держал свёрток с горячими, только что купленными сладостями, от которых поднимался пар и исходил аппетитный, сладкий аромат.

— Ты так рано? Подожди минутку, я сейчас.

Минну наскоро умылся. Сяохо терпеливо ждал его на пороге. Перед уходом Минну заглянул обратно в комнату:

— Брат Хэ, я пойду. На улице уже совсем светло, так что бояться нечего.

Ему всё ещё было неловко за утреннее происшествие, и он радовался, что Сюэхэ предпочёл промолчать. Лучше обоим сделать вид, будто ничего не произошло.

Догадавшись по сухому, негромкому «мгм», что его услышали, Минну со спокойной душой

закрыл дверь.

— Это ты мне купил? А когда поднялся-то? — спросил Минну на ходу. Сяохо протянул ему угощение, явно предназначавшееся для друга.

— В час Дракона, — отозвался тот.

Минну отправил в рот кусочек пирожка и, вспомнив о вчерашнем, решил воспользоваться моментом — накануне расспросить попутчика так и не удалось.

— Давно хотел спросить... Твоя маска. Помнишь, тогда в ядовитом тумане... Что с ней происходило?

Сяохо прикоснулся пальцами к гладкой поверхности детского лица:

— В ней живёт приручённый мной призрачный дух.

От этих слов Минну едва не подавился. Он закашлялся, лицо его пошло пунцовыми пятнами. Сяохо лишь недоуменно склонил голову. Спускаясь по лестнице на первый этаж, Минну всё ещё пытался отдышаться, как вдруг кто-то протянул ему чашку чая.

Юноша на автомате принял её и жадно сделал несколько глотков. Лишь осушив пиалу, он заметил, кто сидит за столом. Прямо перед ним устроились Цзинь Линсянь и Сунцзин, а Нанькэ смотрел на него сочувствующим, немного тревожным взглядом.

Чашку ему подал не кто иной, как Цзинь Линсянь. Тот лениво приподнял веки и усмехнулся:

— И куда ты так торопишься? Того и гляди подавишься своими сладостями.

Минну всё ещё побаивался Третьего принца, а потому лишь поплотнее сжал губы и промолчал. В последние дни этот надменный юноша его не донимал, но от этого становилось только тревожнее — казалось, тот просто затаился и готовит очередную пакость.

— О чём вы опять шушукаетесь? — Сунцзин вздохнул, переводя взгляд с одного на другого. — Даже днём на улицах этого города не стоит терять бдительности. Помните о безопасности.

— Здесь вам не безопасные уголья Академии.

Минну послушно кивнул, но тихонько буркнул:

— А в Академии ты говорил совсем другое, старший брат Сунцзин.

— Цзянь Минну! — с нажимом произнёс тот, приподняв бровь.

Мальчик тут же прикусил язык. Заметив, что Сяохо уже присмотрел свободное место, он поспешил сесть рядом. Прислушавшись к чужому разговору, Минну понял, что вскоре Цзинь Линсянь и Сунцзин собираются нанести визит в поместье Чжэн.

— И всё-таки... это действительно настоящий дух? — шёпотом любопытствовал Минну.

Сяохо кивнул. Обмакнув палец в воду, он вывел на деревянной столешнице:

«Будет время — покажу»

Минну передёрнуло от одной мысли об этом. Он замахал руками, поспешно отказываясь:

— Нет-нет, спасибо, не надо.

— И ещё... Кое-что я не успел тебе рассказать. Когда вы с Мэй Ханьцзюэ ушли, мы с братом Хэ оказались заперты внутри настенной росписи. А призрак в алых одеждах, который меня утащил, — это та самая покойница из вчерашнего свадебного поезда.

Сяохо замер, погрузившись в раздумья. Немного помолчав, он снова вывел на столешнице:

«Тогда нам точно нужно в поместье Чжэн»

К Сунцину и Цзинь Линсяню присоединились Цзянь Сюэхэ и Мэй Ханьцзюэ; остальным ученикам тоже позволили пойти, если у тех возникнет желание. Почти все они уже обладали духовными силами и могли за версту почуять, что над домом Чжэн клубится зловещая аура скверны.

Минну с Сяохо пристроились в самом хвосте процессии. На людных улочках городка ещё кипела жизнь, но по мере приближения к поместью шум затихал, уступая место зловещему безмолвию.

Огромная усадьба высилась впереди тёмной, глухой громадой. Тяжёлая угольно-чёрная вывеска над воротами словно клонилась к земле под собственным весом, нагоняя тоску. У входа дежурили слуги — бледные, исхудавшие, с серыми лицами. Они походили на ходячих мертвецов, из которых без остатка вытянули жизненные силы.

Сунцзин шагнул вперёд для переговоров. Визитку они отправили ещё вчера, поэтому слуга, выслушав гостя, лишь молча кивнул и скрылся за воротами. Вскоре он вернулся:

— Хозяин просит господ войти.

Держась на приличном расстоянии от старших товарищей, Минну и Сяохо медленно пошли следом. Поравнявшись с другом, масочник тихо заговорил:

— Совсем недавно это семейство понесло тяжёлые утраты. Нынешний глава клана — молодой господин Чжэн.

— С детства он рос крайне болезненным и почти не покидал своего двора. Женился трижды, но ни одна супруга не выжила — все они либо угасали от недугов, либо гибли внезапной, страшной смертью.

— В городе шепчутся, будто он рождён под проклятой звездой и обрекает на гибель любого, кто окажется рядом. Вот и родителей свёл в могилу. Из-за этих слухов почти все слуги разбежались.

Минну изумленно вытаращил глаза:

— Откуда тебе всё это известно?

Сяохо выразительно скосил глаза на его свёрток с пирожками:

— Когда утром в очереди стоял, наслушался.

«С детства болезненный...» — Минну невольно перевёл взгляд на шагающего впереди юношу в алых одеждах. Сейчас Цзянь Сюэхэ выглядел как вполне здоровый человек, но под его роскошными одеждами всё ещё угадывался тонкий, едва различимый запах целебных трав.

Обладавший безупречным слухом Сунцзин уловил их перешёптывание. Оглянувшись, он выразительно приподнял бровь:

— Когда войдём, держите язык за зубами.

Оба послушно примолкли. Слуга провёл их в главный зал.

Несмотря на ясный день, внутри не горело ни единой свечи. Окна выходили на теневую сторону, и стоило Минну переступить порог, как ему в лицо ударила волна удушливого, тяжёлого жара. На улице уже веяло весенним теплом, но здесь по-прежнему вовсю топились напольные печи.

В полумраке зала висел густой, горький дух лекарств. Откуда-то из глубины доносился

непрерывный глухой кашель. Стоявшие вдоль стен слуги застыли, низко опустив головы.

Минну поднял глаза и разглядел сидящего во главе стола мужчину.

Тот не столько сидел, сколько полулежал в кресле, из последних сил сохраняя вертикальное положение. На вид ему едва исполнилось двадцать. Тонкие брови и удлинённые глаза мужчины казались подёрнутыми туманной дымкой глубокой скорби, а измождённое лицо пугало мертвенной белизной, словно слои влажной бумаги, наложенные друг на друга. От всей его фигуры веяло могильным холодом.

Несмотря на весеннюю пору, он кутался в тяжёлую меховую накидку, под которой его тело казалось совсем крошечным и хрупким, точно надломленная морозом сухая ветвь.

— Господин Чжэн, — Сунцзин вежливо поклонился, быстро окинув хозяина дома оценивающим взглядом. — Простите за беспокойство. Сегодня я привёл своих младших соучеников выразить вам почтение.

Хозяин усадьбы зашёлся в новом приступе кашля. Минну, наблюдая со стороны, всерьёз испугался, что тот просто задохнётся.

— Что вы... — едва слышно прошепестел господин Чжэн. — Моя обитель давно опустела, и ваше появление принесло в эти мрачные стены хоть немного жизни.

Его голос напоминал невесомый шорох падающего снега — стоило ему отзвучать, как в воздухе не оставалось и следа.

Минну даже показалось, что эти слова ему лишь померещились. Лицо больного осунулось ещё сильнее. Собравшись с силами, он продолжил:

— Здоровье моё оставляет желать лучшего, поэтому я попрошу Фули показать вам усадьбу. Если заметите что-то подозрительное, спрашивайте его без стеснения.

— И если в этом доме действительно угнездилась нечисть... умоляю вас, помогите избавиться от неё город. Я буду безмерно... благодарен... Кхэ-кхэ...

Едва закончив фразу, он смертельно побледнел, кожа его приобрела синюшно-серый оттенок. Он поспешно прижал к губам шёлковый платок, и когда отнял его, Минну успел заметить на белой ткани тёмный, почти чёрный сгусток крови.

— Молодой господин... — стоявший рядом Фули встревоженно шагнул вперёд и повернулся к Сунцзину: — Как видите, нашему хозяину совсем худо. К огромному сожалению, он не сможет лично сопровождать вас.

Минну не сводил сочувственного взгляда с больного хозяина, попутно поглядывая на Сяохо. Тот, впрочем, на измождённого юношу даже не смотрел — всё его внимание было приковано к узорам, вырезанным на опорных столбах зала.

Минну проследил за его взором. Окрестности Города Колокола и Барабана издревле считались местом зарождения культа Змеиной Матери, поэтому её лик красовался здесь повсюду, и поместье Чжэн не стало исключением.

Крышу главного зала поддерживали четыре массивные колонны, на каждой из которых были запечатлены сцены из преданий о великой заступнице. Чёрные змеиные хвосты извивались, спускаясь по дереву сверху вниз. Сама Змеиная Мать взирала на мир с кротким, милосердным выражением лица, прикрыв глаза.

Минну присмотрелся, но вскоре отвёл взгляд — книг он читал мало и древних легенд не знал. Однако расположение колонн показалось ему странным: они образовывали замкнутый четырёхугольник, уходящий под самый купол. Стоило поднять голову, как перед глазами всё поплыло, и к горлу подступила дурнота.

Сунцзин закончил беседу, и двое слуг осторожно повели молодого господина во внутренние покои. Остальные гости направились к выходу вслед за Фули.

Минну шёл последним. Повинуясь какому-то неясному предчувствию, он обернулся. Подол широкого халата уходящего хозяина колыхнулся, на мгновение приоткрыв скрытое тканью тело. Из-под полы показалась мертвенно-бледная, почти прозрачная голень... на которой явственно проступало иссохшее, посиневшее человеческое лицо.

В ту же секунду Минну обдало неистовым могильным холодом, словно на него вылили ушат ледяной воды. Дыхание перехватило, сердце зашлось в бешеном ритме.

— Цзянь Минну! — Перед самым носом покачалась чужая ладонь. Юноша вздрогнул и очнулся. Прямо перед ним застыла маска младенца-призрака, сквозь прорези которой на него пристально смотрел Сяохо.

— Куда ты так уставился?

Господин Чжэн уже скрылся за ширмой. Со лба Минну катился холодный пот. Жуткий призрачный лик всё ещё стоял перед глазами, и паренёк уже сам не понимал, привиделось ему это в полумраке или произошло наяву.

— Да так, ничего, — прошептал он, стараясь унять дрожь. — Тебе не кажется... что этот дом построен как-то странно? Здесь ужасно неудобно.

Шагавший чуть впереди Сунцзин на миг замедлил ход. Старшие ученики, разумеется, тоже

почуяли неладное — накопившуюся в стенах зловещую ауру трудно было не заметить.

Однако Сунцзин всё же оглянулся. Двое младших шли плечом к плечу, перешёптываясь. Лицо Минну оставалось бледным, но его чёрные глаза блестели поразительной чистотой и ясностью.

«А ведь у этого мальчишки... должно быть, врождённый дар», — подумал старший соученик.

Сяохо тем временем тихо спросил друга:

— Ты разбираешься в законах фэншуй и пяти стихий?

Минну смущённо покачал головой, щёки его порозовели:

— Нет, что ты. Я ведь и грамоте-то толком не обучен, половины иероглифов не разберу.

Цзинь Линсянь покосился на Минну, в его глазах промелькнуло неясное раздражение, но он тут же отвернулся.

— Крыша главного зала сходится под углом, фасад занижен, а задняя часть приподнята — усадьба спланирована в точности как гроб, — негромко пояснил Сяохо. — А коридоры построены наперекор всем правилам. Они петляют, обрываясь тупиками. Подобное устройство притягивает гибельную энергию ша со всех окрестностей.

— Надо же, сколько ты всего знаешь, — восхищённо пробормотал Минну.

Несмотря на тихий шёпот, шедший впереди Фули услышал эти слова. Обернувшись, он грустно улыбнулся:

— Не думал, что столь юный господин разбирается в подобных тонкостях. Вы правы, усадьбу возвели именно так по особому замыслу. Наш хозяин родился невероятно слабым. Бродячий гадатель тогда заявил, что мальчика нужно «выращивать во тьме», вдали от солнечного света, оберегая в месте, где скапливается Инь.

— В народе такой способ называют «заимствованием жизни у призраков». Считалось, если он доживёт до совершеннолетия, то окрепнет, и проклятие отступит. Кто же знал, что всё обернётся таким кошмаром...

Управляющий тяжело вздохнул, лицо его омрачилось явной тревогой.

Мэй Ханьцзюэ, заинтересовавшись, спросил:

— Что за кошмар? Расскажите поподробнее. Быть может, половина беснующихся в округе тварей слетается именно на эту зловещую ауру вашего поместья.

— Что вы, вовсе нет! Хотя усадьба и собирает холодную энергию, прежде здесь никогда не творилось ничего дурного... Всё началось позже, после тех жутких свадеб.

Фули на мгновение запнулся, собираясь с силами:

— Молодой господин трижды пытался завести семью. Его первая невеста скоропостижно скончалась прямо в пути. Вторая бросилась в колодец в день торжества. А третья... когда праздничные носилки доставили к нашему порогу и открыли занавес, внутри уже лежало бездыханное тело.

— После этого хозяин тяжело занемог и зарёкся жениться, не желая губить невинные души. Вскоре его родители, не вынеся горя, один за другим угасли от тоски. С тех пор всё и покатилося под откос.

Минну невольно вспомнил жуткую покойницу в свадебных одеждах, которую встретил накануне. Неужели в том паланкине везли одну из несчастных невест?

— А потом беда пришла и в сам город, — продолжал Фули. — Стали пропадать юноши и девушки, особенно те, кто собирался сочетаться браком. Стоило кому-то затеять свадьбу — жди беды, без исключений.

— За последний год в Городе Колокола и Барабана больше никто не отважился связать себя узами брака.

Сунцзин нахмурился:

— Но почему вы сразу не обратились за помощью к великим орденам?

— Как только случилась первая трагедия, мы тут же кинулись искать подмоги. Наняли окрестных бродячих заклинателей. Когда они прибыли, в городе на какое-то время всё утихло. Но стоило мастерам уйти, как кошмар возобновился с новой силой.

— И самое страшное... Все те заклинатели, что пытались нам помочь, на обратном пути пропали без вести, точно в воду канули. С тех пор к нам больше никто не соглашался идти ни за какие деньги.